

От влажной черной земли разило сыростью и мертвыми цветами. Так пахнут подвалы развалившихся домов, бетонные плиты — вечные саркофаги побежденной зеленой жизни, обветренные, в трещинках подушечки лап, первые осенние заморозки и сраженные влагой и временем церковные потолочные балки. Запах оседал на коже, лип к ней, забивался в поры, даже теперь, когда Роман воткнул лопату в землю рядом со свежей насыпью и отошел на несколько шагов. Глядя на кусок перекопанного газона, выделяющийся неровным темным прямоугольником, он подумал о том, что нужно будет высадить здесь какое-нибудь растение. Всем хочется, чтобы могилы друзей выглядели достойно, вырыты ли они в потемках души или позади дома.

Рассвет разлил по земле голубой туман и влагу. Взглянув на свои руки с грязными полукружьями ногтей,

Роман самому себе напомнил холодный труп, разве что по-прежнему дышал, пусть и хрипло. Он поднял с земли потертый ошейник, который не решился закопать вместе с телом. Пустыми глазами поглядел на свежую могилку. Роман дрожал, но не замечал холода. Он ничего не замечал. Запустив пальцы в засаленные на затылке волосы, Роман поморщился и заставил себя вернуться в дом.

Он провозился дольше, чем предполагал. Ему едва хватило времени принять душ, сменить одежду и сделать несколько глотков неприятного кофе. Привычный строгий костюм-тройка, галстук — сегодня темно-синий, привычный запах туалетной воды — не слишком навязчивый, но ощутимый. Привычный уставший взгляд, который уже вряд ли кого-то удивит.

Ядовитый свет дневных ламп неприятно обжигал глаза. Роман любил раннее утро, но сегодня ему пришлось предстать перед коллегами несобранным, как будто уязвимым, и это нервировало его.

— Доброе утро, босс! Сегодня прибудет судья по делу тех психов, Марчеков. Отправить его прямиком к вам, или пусть сначала переговорит с консультантом по делу? — Грэг Мортен словно материализовался из воздуха в дверном проеме. Эта способность хоть и приносила временами пользу, но невероятно раздражала Романа. Как и сам секретарь, втиснутый в слишком узкий для него пиджак, зеленоватый джемпер и галстук цвета запекшейся крови.

— Судья Ноа Фальк?

— Я думал, вы в курсе... — Грэг замялся и бросился изучать папку в своих руках с нездоровым интересом. — В последний момент дело отдали Форсбергу.

Внешне Романа мог выдать лишь резкий вдох, и только. Однако Грэг не зря прятал глаза. Ни для кого в конторе не было секретом, как люто Роман ненавидит судью

Форсберга, и что Форсберг сделает все, лишь бы до последнего оттянуть встречу тет-а-тет с ним.

— Отправь к консультанту. Если останутся вопросы, он знает, где меня найти.

По пути в кабинет Роман надеялся, что больше никто из коллег в данную минуту не спешит сообщить ему очередную «приятную» новость. В лифте между пятым и шестым этажами стены пошли ходуном. Он прижал к вискам прохладные пальцы, привычно зажмурившись. Порывшись в сумке, поспешно вытряхнул из флакона две таблетки и проглотил их как раз перед тем, как двери с тихим щелчком разъехались, впустив его в привычный пустой коридор. Таблетки царапнули горло, и Роман хмыкнул, размышляя, должно ли его радовать то, что это ощущение стало непривычным, или ему следовало огорчиться, что оно снова присутствует.

Кто-то зажег свет в его кабинете.

— Теодора?

В холодном утреннем свете тонкие руки выглядели фарфоровыми. Хотя Роман тут же отмел это сравнение. Сила, заключенная в обманчиво хрупких запястьях и пальцах, никогда не будет иметь ничего общего с ломкой обожженной глиной. Теодора Холл с готовностью обернулась на голос, но приветливая улыбка растаяла так же быстро, как ночной иней на стекле с восходом солнца.

— Здравствуй! Я хотела поговорить с тобой о деле Марчеков, надеюсь, ничего, что решила подождать здесь?

— Ты можешь заходить в любое время.

Серьезные, слегка растерянные карие глаза неотрывно следили за ним. Роман уже знал, какой вопрос она задаст следующим.

— Что-то случилось?

Он заставил себя сосредоточиться. Этого разговора не избежать, если только не выставить Теодору за дверь

прямо сейчас. Роман снял очки, положил их на рабочий стол не глядя и тяжело оперся на него.

— Твоя проницательность никогда не перестанет меня удивлять, — сказал он, добавив про себя, что и в покое она его никогда не оставит.

— Значит, пять лет обучения на психологическом факультете и бессчетные годы практики не прошли даром.

— Не представляю тебя в другой профессии.

— Роман?

— Кай умер. Сердечный приступ.

Слова прозвучали ровно, но отняли у него последние силы. Произнести их оказалось равноценным тому, чтобы признать неоспоримую действительность.

— О нет! Ужасно, что это произошло так внезапно... Мне очень, очень жаль.

Оказавшись рядом, она заключила Романа в объятия. Вернее, попыталась это сделать. Он словно в ступоре остался стоять, не пошевелившись, и Теодора, смутившись своего порыва, отступила и неловко скрестила руки.

— Он мог прожить еще не один год, если бы не большое сердце.

— Знаю, как сильно ты любил его. — Голос Теодоры звучал глухо то ли из-за горького сочувствия в нем, то ли таким он долетал до Романа из-за плотной стены скорби.

Скорбь. Наверно, только психи могут найти в ней нечто интригующее, утешающее. Психи и законченные негодяи. Роман был в этом убежден, но никак не мог понять, к какой категории отнести себя. Никого он не любил сильнее, чем Кая, и никто не понимал его так, как Кай, насколько только может понять человека собака. И все же в этой скорби Роман разглядел кое-что утешающее. Он никогда не думал, что способен испытывать боль утраты настолько сильно и отчаянно, что сводит зубы, ломает кости, рвет сухожилия и нервы, точно клыками.

— Роман? — Голос Теодоры прервал поток мыслей, уносящих его куда-то в темную даль. — Может, тебе стоило взять выходной?

— Так плохо выгляжу?

— Вовсе нет, но это не отменяет твоего внутреннего состояния. Тебе... нужно время. Утрата всегда забирает его себе, она лицемерна.

— Не надо психоанализа! Мне не нужно время. Работа отвлекает куда лучше, чем бесцельное валяние на диване, не находишь?

Спор Теодора не продолжила, но на лице явно читалось недовольство. Романа пугала ее способность видеть его насквозь. Однажды она может разглядеть чуть больше, чем следует, и он искренне надеялся, что этот момент произойдет не скоро. Ее упрямый, пытливый взгляд Роман встретил сурово. Обычно такая реакция прекращала психологические копания и заставляла Теодору отбросить врачебные привычки.

— У тебя ко мне какое-то срочное дело?

Она изогнула бровь и не стала отвечать.

— Ты очень рано. Если хотела о чем-то спросить, то я слушаю.

Грубо, но ему вдруг захотелось остаться одному.

— Ты знаешь, что дело семьи Марчек отдали другому судье?

— Грэг Мортен уже порадовал меня новостью. Форсберг? — спросил Роман, с облегчением заметив, что она перешла сразу к делу.

Теодора кивнула:

— Мне все это нравится не больше, чем тебе. Всем известна репутация Форсберга и его отношение к малообеспеченным.

— Ты ведь понимаешь, что здесь бессилен даже я. В состав Государственного Совета Норвегии я пока не вхожу.

Долгий холодный взгляд Теодоры заставил его замолчать.

— Когда тебе больно, ты грубишь.

Роман признал ее правоту, но лишь про себя. Он обошел стол и устало опустился на стул, положил локти на тяжелую темную столешницу, потер брови указательными пальцами.

— Я всего лишь частный адвокат, а не Господь Бог. Я верю Томасу Марчеку так же, как и ты, но не могу преопределить ход его дела.

— Брось, мы оба знаем, что ты можешь хотя бы попытаться!

Теодора всегда была проповедницей справедливости и воли к активным действиям. Романа это и восхищало, и злило. Она не умела сдаваться. И порой ее упорство выходило всем боком. Теодора видела выход для всех, кроме одного человека. Самой себя. И этого Роман понять не мог. Этот камень преткновения всегда разводил их точно по разным берегам реки. Ее жертвенность и стремление делать все ради других он осуждал. Она же не скрывала своего презрения к его эгоистичным взглядам и холодности, с которой Роман так часто взирал на мир. Они могли прийти к согласию в чем угодно, кроме самого главного — морали.

— Однажды я попытался! Потому что ты настояла. И тогда я тебя послушал. Все помнят, чем это кончилось. Не сомневаюсь, что и ты тоже. И тем не менее ты снова просишь меня о таком?

— Конечно, прошу! — Ей нелегко удавалось держать себя в руках. — Ты избрал помощь людям своей профессией, так соответствуй ей! У тебя есть право на попытку, почему бы просто не воспользоваться им? Какова вообще вероятность, что все пойдет по тому же сценарию? Я скажу тебе: она почти нулевая!

— Ошибка, повторенная дважды, становится выбором.

Теодора бессильно уронила руки, глядя на Романа сверху вниз из-под сошедшихся длинных бровей.

— Может быть. Но это ведь не твой случай.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаешь? Ошибки свойственны людям, Роман. Живым людям. Но ты ни за что не пойдешь на крайности для кого-то, кроме себя.

Роману показалось, что глаза Теодоры заблестели еще выразительнее, но он не успел понять, от гнева или от слез. Со стуком перевернув песочные часы на его столе одним резким движением, она быстрым шагом покинула кабинет и наверняка хлопнула бы дверью, не будь доводчика. Проводив ее взглядом, Роман спрятал лицо в ладонях, тяжело выдохнул и попытался унять жжение в уголках глаз.

В большинстве офисов здания юридической фирмы «Бенгтссон-Квист Лов» свет уже давно погас. Роман нередко был тем, кто одним из последних покидал кабинет. В конце концов, статус лучшего адвоката к этому попросту обязывал.

В некоторые вечера он был этому даже рад. В такие, как сегодня. Никто, кроме уборщиков, не увидел, как Роман, ссутулившись, покидал здание, глядя куда-то глубоко внутрь себя. Он сразу же завел мотор и механически поехал по привычной трассе. После суеты центра пригород утешал вечерним безмолвием и ленивым спокойствием поздней осени. Автомобиль пронзал тьму бледными лучами фар. Пару раз дорогу перебежали лисы или молодые серны. Они словно не осознавали смертельной

опасности, но блеск огней действовал на них гипнотически. Редко моросил дождь, и на улицах, подсвечиваемых рыжими фонарями, не было ни души. Из динамиков лилась негромкая мелодия: Андре Капле. Роман никогда не любил современную музыку, считая ее слишком хаотичной. Беспорядка вокруг ему хватало и без этого.

Он припарковался позади заброшенного магазина зоотоваров. Автомобиль чуть слышно заскрипел тормозами, и Роман в который раз поморщился, пообещав себе исправить это. Из плотной прорезиненной сумки под сиденьем он достал не менее плотный водоотталкивающий плащ, доходивший ему до самых пят, с наглухо застегивающимся воротником. Быстро глянул на экран телефона, чтобы узнать время. Одно голосовое сообщение от Теодоры. Он легко закрыл дверь, надел плащ поверх костюма и натянул перчатки.

Через дорогу от заброшенного магазина, подмигивая грязными окнами из темноты, стоял бар. За ним начинался пустырь — идеальное прибежище равнодушных пьяниц, беглецов и развратников. Из-за плотно прикрытых дверей бара доносился шум громких голосов вперемешку с грохочущей музыкой. Такой «букет» заставил Романа сморщить нос. Через улицу он наблюдал, как едва стоящая на ногах парочка топчется около бара. Одного стошнило прямо на ботинки. Когда спазм прошел и ему заметно полегчало, пара с новыми силами вернулась внутрь, наверняка предвкушая продолжение веселья. Роман ждал. Ему не нужны были свидетели, пусть и не различающие лиц и в большинстве своем дезориентированные.

В ярком прямоугольнике распахнувшейся двери обрисовался силуэт. Не слишком твердо стоящий на ногах мужчина на ходу неуклюже пытался втиснуться в кожаную куртку. Роман наблюдал, как, покинув бар, он

закурил, проверил телефон. Холодный свет экрана выхватил из темноты некрасивый профиль, заросший щетиной подбородок и тяжелые, насупленные брови. Кажется, мужчина не очень хорошо понимал, что ему делать дальше, и никак не мог определиться, куда ему идти, глядя то в одну сторону, то в другую. Докурив вторую сигарету, он взглянул на ускользающую в темноту трассу и, поежившись от холода, двинулся к нескольким припаркованным за баром автомобилям.

Это движение послужило Роману сигналом к действию. Он переходил дорогу, ничем не отличаясь от пластичной тени, незримой, неосязаемой, и был так сосредоточен на цели, что не замечал столь же легкую, скрытую в лоне ночи другую тень, куда меньше, но, что казалось бы невозможным, еще темнее. У самого тротуара Роман обернулся и, ничего не увидев в полутьме, разгоняемой одним слабым, мутным от пыли фонарем, продолжил путь. Он не собирался бросать начатое, но впервые его не покидало неприятное чувство, которое появляется, когда кто-то издалека наблюдает и навязчивый взгляд клеится к воротнику и холодит затылок. Перед тем как ускорить шаг и перейти к делу, Роман оглянулся во второй раз, но по-прежнему увидел лишь пустырь и заброшенный магазин на другой стороне улицы. Тьма за кругом света, расчерченного фонарем, стала гуще.

Атли Бернтон сунул руку в карман кожаной куртки, смутно определяя границы времени и места, и уже собирался сесть в автомобиль, как вдруг вспомнил, что хотел достать бутылку воды из багажника. И без того раздраженное горло царапало словно гвоздями после сигаретного дыма. Качающийся, как старый маятник, Бернтон как раз собирался захлопнуть крышку багажника, когда на широкое плечо опустилась чья-то рука, заставив его подпрыгнуть на месте.

— Что вам нужно? — ошетинился Бернтон, или Берн-Сукин Сын, как частенько звали его в местных пабах красноносые и столь же грубые приятели на века (в данном случае век исчислялся дном последней початой бутылки), слишком резко развернулся на нетвердых ногах и врезался поясницей в багажник. В голосе слышался страх. Он лишь упрочил отвращение Романа, которому стоило усилий не усмехнуться в лицо несчастному.

— Не подадите монетку глупому бродяге? Чертовски похолодало, а у меня, знаете, дыра в кармане.

— Сомневаюсь, что одна монета вас согреет, — брезгливо поморщился Берн-Сукин Сын, прочищая горло. Он заметно успокоился, но по-прежнему стоял, с силой вжавшись в машину. Доверия в голосе не прибавилось.

— Ну, с миру по нитке, как говорится.

— Приятель, шел бы ты подальше! Те, кто подкрадывается по ночам, обычно плохо заканчивают.

Роман склонил голову набок и поглядывал на Бернтон из-под упавших на лицо волос. Ему хорошо удавался образ бедного идиота, но больше всего нравилась та часть, где пугливый голодный взгляд сменялся жестоким и осмысленным, прямо как кинокадр.

— Да бросьте, всего несколько крон! Вам парковка в этой дыре дорожке обходится. Ночи стали такими длинными...

— Проваливай, козел! Напугал же, рвань паршивая.

Мужчина наконец отклеился от бампера, и в нос Роману ударил тяжелый запах алкоголя, который не следовало бы смешивать еще и с плохим табаком, хотя Атли Бернтон вряд ли довольствовался дешевым. Роман предположил, и весьма верно, что в бардачке он хранит сигареты куда дороже тех, которыми угощал «приятелей на века».

— А знаете, кто еще плохо заканчивает, мистер Бернтон?

Перемена в голосе Романа заставила мужчину окаменеть. На этот раз страх метил под дых сокрушительным ударом. Прежде, чем Берн — уже даже не уверенный в том, чей он сын, — успел сделать шаг в сторону, темноту забытой стоянки полоснул металлический блеск, и острейшее, тонкое, чуть изогнутое лезвие легко вошло в плоть по рукоятку, словно в масло, нанизав желудок. Глаза Бернтонна широко распахнулись, а зрачки расширились так, что серая радужка больше была не видна и глаз казался совсем черным. Так же мягко, не встречая никаких препятствий, лезвие скользнуло вниз, до самого пупка, и, задержавшись ровно на длину одной короткой фразы, выскользнуло, оставляя за собой темно-бурый в плохом свете шлейф.

— Ублюдки, до рези в глазах пересчитывающие доли процентов своего почасового дохода, при этом понятия не имеющие, сколько зубов выпало у младшего сына и сколько синяков на теле дочери-подростка, над которой издеваются в школе, даже не понимая за что: потому что она скромный хороший ребенок или потому, что папу уличили в сутенерстве. Уверен, никто толком и не объяснил ей, что это значит, — ответил Роман на свой же вопрос.

Тщательно вытерев лезвие ножа рубашкой распластанного на земле Бернтонна, Роман пошарил по карманам его куртки. Долго искать не пришлось: плотный кошелек из дорогой кожи заметно оттопыривал куртку на груди. Высыпав в ладонь горсть монет разного номинала, Роман с короткой горькой усмешкой взглянул сначала на блеск металла, затем на их несчастливого обладателя. Раскрыв Бернтону рот, он уже собирался всыпать туда кроны. Их было столько, что они забили бы глотку и наверняка выступили бы между челюстями небольшой горкой...

Роман бросил монеты на землю и, развернувшись, беззвучно пошел прочь. Он как раз садился в машину,

когда неприятное чувство слежки появилось вновь, во второй раз за все время его ночных поездок. Теперь Роман долго и тщательно вглядывался в темноту. Без толку. Решив, что это лишь очередная притаившаяся лиса или даже лось, Роман привычно взъерошил волосы на затылке и скользнул на переднее сиденье, растворившись так же незаметно, как и появился.

